

С момента рождения трех пушистых комочков пролетел целый месяц. Этого времени малышам вполне хватило, чтобы освоиться в новой реальности. К тому же матушка еще в утробе исподволь занималась их воспитанием, так что крохи неплохо разбирались в назначении современных вещей и техники. Мир за пределами убежища манил их все сильнее, но после суровых разъяснений отца они твердо усвоили: покидать уютное гнездо в первые три месяца жизни — затея безрассудная и крайне опасная.

То, что в момент родов отца не оказалось рядом с матерью, не было случайностью. Многие духи-оборотни способны сознательно оттягивать или приближать появление потомства на свет, чтобы избежать грозящих опасностей. Все трое детенышей родились сразу в человеческом облики. Матушка вынашивала их достаточно долго, помогая благополучно завершить этот процесс еще в утробе. Появившись на свет уже преображенными, они миновали свое первое и самое суровое жизненное испытание — грозовое крещение духовного превращения. Для уязвимых видов, лишенных надежной природной брони, подобный путь был единственным спасением.

Когда пришло время родов, отец сразу почувствовал это и покинул гнездо ради патрулирования окрестностей. Рождение детенышей редких видов неизбежно провоцирует мощные колебания духовной энергии, способные привлечь толпы свирепых хищников. Стоит проявить хоть малейшую слабость, и новорожденных разорвут на куски. Легкий, едва уловимый шлейф жажды крови, веявший от отца при его возвращении, был безмолвным свидетельством только что затихшей нещадной битвы.

Чтобы выдерживать испытания древних руин, обходить коварные ловушки и формации, мышья-искатели гробниц развили в себе невероятную ловкость и самую грозную боевую силу среди всех ветвей своего рода — мышья-искателей сокровищ. К тому же на Земле духовная энергия была далеко не столь изобильной, как на Континенте Созвездий, отчего здешним зверям развиваться и повышать свой ранг оказывалось невероятно трудно. Для отца лесные хищники не представляли серьезной угрозы. Но даже его исключительное могущество не гарантировало защиту от хитрых тварей со способностями к маскировке, которые могли затаиться в засаде и терпеливо выжидать момента, когда беззащитные детеныши покажутся на пороге. Именно поэтому следующие три месяца малышам предстояло провести затворниками в стенах родной норы.

К счастью, родители подготовились к затворничеству заранее: игрушек у крох скопилось великое множество. Особенный восторг у троицы вызывала разная электроника. В уютной гостиной то и дело разыгрывалась умилительная картина: три круглых пушистых комочка, тесно прижавшись друг к другу, увлеченно хлопали крохотными ладошками по экрану планшета, играя в виртуальную рыбалку. В моменты особого азарта они переключались на резку фруктов, пища от восторга. Матушка в это время усаживалась неподалеку с вязанием или вышивкой, а отец, устроившись за рабочим столом, тихо стучал по клавишам ноутбука.

Матушка как-то обмолвилась, что отец руководит огромной человеческой компанией, но малыши еще не понимали значения этих слов и отнеслись к новости равнодушно. Зато изящные наряды, выходившие из-под матушкиной иглы, вызывали у них искреннее, безграничное восхищение. Порой отец подолгу наблюдал за кувьркающейся на ковре детворой, и на его обычно суровом лице проступала едва заметная, теплая улыбка. Поймать этот миг было почти невозможно — Шу Сюнь, к примеру, за все время удостоился такого

зрелища лишь дважды.

Шу Сюнь был уверен, что эти три месяца пройдут безмятежно. Он представлял, как под присмотром родителей они с братьями начнут исследовать этот бескрайний таинственный лес, а когда достаточно окрепнут и возмужают, переедут в другой дом, чтобы постепенно стать частью человеческого общества. Там, по рассказам матушки, жили удивительные и очень умные люди, там можно было воочию увидеть чудеса техники, поселиться в просторной светлой вилле и заниматься бесчисленным множеством интересных дел.

Однако сказке суждено было закончиться гораздо раньше — уже на второй месяц их тихая жизнь сделала резкий и крутой поворот. Из всех троих Шу Сюнь уродился самым крохотным, но по части ума и обучаемости превосходил братьев во много раз. Пока младшие увлеченно гоняли нарисованных рыбок по экрану, Шу Сюнь уже всюду осваивал компьютер и ухитрился самостоятельно написать простенький программный код. Закончив работу, он гордо вздернул курносый носик, задрал пушистую головку в ожидании похвалы.

Глядя на малыша, который от гордости едва не лопался — доведись ему сейчас выпустить хвостик, тот наверняка победно задрался бы до самого потолка, — отец ласково взъерошил ему шерстку на макушке. Сидевшая на диване с книгой матушка в тот вечер вела себя необычно тихо, словно умышленно не замечая их нежного общения.

Спустя два дня, ранним утром, когда все трое братьев спали, свернувшись в один пушистый клубок, чьи-то теплые руки осторожно вытянули Шу Сюня из кучи-малы. Почувствовав знакомый, родной запах отца, малыш лишь сладко причмокнул во сне и даже не подумал просыпаться.

Когда в лицо дохнул резкий, пронизывающий до костей лесной сквозняк, Шу Сюнь зябко поёжился. Он попытался теснее прижаться к теплой отцовской груди, но тут же сквозь дрему почувствовал неладное. Откуда в их глубоком, надежно укрытом от холодов жилище взяться такому ледяному ветру? Ведь их подземный дом, просторный и запутанный, всегда дышал мягким теплом. Не успел он толком испугаться, как почувствовал, что бережные руки опускают его на землю.

Шу Сюнь растерянно приоткрыл веки. Вместо привычных гладких стен перед ним раскинулся дикий мир, сотканный из молодой изумрудной зелени и островков нерастаявшего снега. Воздух звенел от ароматов влажной хвои и прелой земли, пробуждающейся под лучами весеннего солнца.

Малыш с любопытством уставился на черную влажную землю под лапками. Холод сырой почвы быстро просочился сквозь нежную кожу, и Шу Сюнь почувствовал, как замерзают его крохотные пальцы. Он поднял взгляд на стоявшего рядом отца и умоляюще растопырил лапки, просясь обратно в тепло. Но потянулись секунды... затем минуты...

Отец оставался неподвижен. В его бездонных холодных глазах застыло странное выражение — смесь полного равнодушия и невысказанной вековой скорби, но он так и не сделал шага

навстречу. В груди Шу Сюня шевельнулось нехорошее предчувствие. Сжавшись от внезапной тревоги, он упрямо держал руки поднятыми, пока его большие темные глаза медленно наполнялись слезами.

— Батюшка... — пролепетал он тонким, дрожащим голосом. — На ручки...

Но этот тихий детский писк подействовал на отца подобно удару бича. Тот резко подобрался, и в то же мгновение от его могучей фигуры волнами хлынула леденящая кровь жажда убийства. Шу Сюнь замер, парализованный первобытным ужасом. Где-то в глубине чащи с отчаянным писком и шорохом бросились врассыпную мелкие звери. Тяжелая, удушающая аура хищника сдавила грудь малыша мертвой хваткой, не позволяя ни вздохнуть, ни пошевелиться.

Отец молча положил к ногам застывшего сына крошечный узелок и, резко развернувшись, зашагал прочь. Шу Сюнь отчаянно пытался сделать хотя бы шаг следом, но непреодолимая сила отцовской воли пригвоздила его к месту. Ему оставалось лишь беспомощно стоять на холодной земле и смотреть сквозь пелену слез на удаляющуюся спину.

— Батюшка! — захлебываясь плачем, закричал он вслед. — Батюшка, вернись!

Но ответом ему был лишь глухой шорох шагов, пока силуэт отца окончательно не растворился в серой утренней дымке.

Шу Сюнь стоял не двигаясь очень долго. Крупные слезы беззвучно катились по его щекам и падали в сырую траву. Едва давящее ощущение чужой силы ослабло, кроха изо всех сил бросился бежать в ту сторону, куда ушел отец, забавно перебирая коротенькими ножками. Но густой утренний туман плотным саваном укутал незнакомый лес. Малыш кружил среди исполинских деревьев, но так и не смог отыскать ни единого следа, как не смог найти и дорогу к теплему домашнему очагу.

Этим весенним утром бескрайняя, пробуждающаяся от зимнего сна тайга огласилась тонким, надрывным детским плачем. Маленький растерянный Пушок метался среди зарослей, раз за разом выкликая имена родителей, пока силы окончательно не покинули его. Выбившись из сил, он вернулся на то самое место, где его оставили, обнял крошечный узелок и безутешно зарыдал в голос.

Полуденное солнце принесло лесу мало тепла. Кое-как разлепив припухшие от слез веки, Шу Сюнь наконец перестал плакать, лишь его крохотные плечи все еще судорожно вздрагивали от редких тяжелых вздохов. Малыш бережно приладил оставленный отцом узелок за спину, поправил лямки своего скромного багажа и тоскливо огляделся по сторонам. Выбирать не приходилось. Потоптавшись на месте, он наугад зашагал вперед, навстречу пугающей, манящей неизвестности.